

Бай Сяо в этот момент совсем не замечал, насколько двусмысленной была их поза, а вместо этого с некоторой паникой поддержал его за талию:

— Ты что делаешь? Осторожнее с животом...

Не успел договорить, как почувствовал, как его щеку коснулась рука, а затем слова, которые он собирался произнести, были запечатаны в его же губах...

Бай Сяо беспокоился о его состоянии, но позволил прижать себя к шезлонгу и целовать. Спустя долгое время Чэн Юэ наконец оторвался от его губ, их дыхание сбилось. Бай Сяо глубоко заглянул ему в глаза, погладил его ещё влажные губы и тихо рассмеялся:

— Мне так нравится, когда ты проявляешь инициативу...

Лицо Чэн Юэ вспыхнуло жаром, он отвел взгляд, перевернулся, чтобы снова лечь, но при этом схватил руку Бай Сяо.

В сердце Бай Сяо поднялась буря эмоций, он тут же снова перевернулся, уперся руками в подлокотники шезлонга и поцеловал его...

Но едва они начали целоваться, как сзади раздался гневный окрик:

— Что вы делаете!

Громкий голос тети Мэй донёлся сзади, заставив Бай Сяо чуть не упасть с шезлонга.

Бай Сяо обернулся и увидел, как тетя Мэй бежит к ним с садовой лопатой, инстинктивно сразу же спрыгнул с шезлонга.

Тетя Мэй преследовала его, ругаясь:

— Зверюга! Во время беременности нельзя распускаться, вы что, не знаете?! Нынешняя молодежь, право! Сдерживайтесь! Надо сдерживаться, понимаете?!

— Я виноват! Я действительно виноват! Тетя Мэй, сначала опусти лопату, пожалуйста... — Бай Сяо кричал, убегая.

Первоначально, когда тетя Мэй увидела их, Чэн Юэ было немного неловко, но, наблюдая за этой сценой, он не смог сдержать смеха.

Чэн Юэ чувствовал, что с тех пор, как появился Бай Сяо, его плохое настроение больше никогда не затягивалось, почти всегда быстро рассеивалось благодаря ему.

После завтрака он, как обычно, сидел на балконе и читал, и даже непрерывный зимний дождь не мог испортить ему настроение.

...Однако повторный визит Цзин Юйжоу все же заставил его настроение резко упасть в пропасть.

Но, увидев Цзин Юйжоу, он также ясно почувствовал, что его состояние ума уже не такое, как раньше — он вдруг осознал, что больше не должен заикливаться на той боли, которую она причиняла.

Потому что не стоит из-за этого огорчаться.

Когда тетя Мэй готовила обед, раздался звонок в дверь. Она поспешила открыть, и вошла Цзин Юйжоу, уже без вчерашнего агрессивного вида. Она передала тете Мэй зонт, медленно вошла, тихо и спокойно, и, увидев Чэн Юэ, ничего не сказала.

Чэн Юэ отложил книгу, поднялся с шезлонга, сделал несколько шагов в её сторону и сказал:

— Ты снова пришла.

Цзин Юйжоу молчала. Чэн Юэ удивился, присмотрелся и обнаружил, что её глаза опухшие, а вид у неё потерянный и подавленный.

Чэн Юэ невольно остолбенел.

За всю свою жизнь он редко видел Цзин Юйжоу в таком состоянии. Даже когда она молчала, в её глазах часто читалась обида.

Сегодня её наряд по-прежнему был безупречен, но выглядела она гораздо более уставшей.

Чэн Юэ невольно задумался: о чем она думала после возвращения? Что она пережила?

Цзин Юйжоу не ответила ему, а вместо этого взглянула на настенные часы и сказала тете Мэй, которая в панике отправляла сообщение, вызывая Бай Сяо вниз:

— Тетя Мэй, я сегодня останусь на обед.

Тетя Мэй замерла, и первым её побуждением было посмотреть на Чэн Юэ.

Чэн Юэ и Цзин Юйжоу несколько мгновений смотрели друг на друга, затем он сказал:

— Хорошо.

Только тогда тетя Мэй кивнула и, увидев, что Бай Сяо спускается с лестницы, повернулась и ушла на кухню.

Цзин Юйжоу оглянулась на тетю Мэй, всхлипнула и сказала:

— У тебя с тетей Мэй, похоже, хорошие отношения.

Чэн Юэ не ответил, а лишь жестом указал на диван:

— Садись.

Затем просто налил Цзин Юйжоу стакан воды и поставил перед ней.

Бай Сяо, получив сообщение от тети Мэй, поспешил вниз и увидел, как мать и сын молча сидят на диване, не смотря друг на друга и не разговаривая. Он почувствовал, что атмосфера несколько неловкая, поэтому остановился неподалеку, вежливо слегка поклонился и сказал:

— Госпожа Цзин, вы пришли.

Цзин Юйжоу не хотела с ним разговаривать, она потрогала свои кудрявые волосы на плечах, и её взгляд невольно переместился на живот Чэн Юэ.

Она уставилась на живот Чэн Юэ, просто смотрела, не произнося ни слова.

В гостиной воцарилась тишина.

Бай Сяо и Чэн Юэ переглянулись.

Чэн Юэ беспомощно покачал головой, показывая, что и сам не знает, что с ней.

Бай Сяо глубоко вздохнул, подумав, что так даже лучше, чем вчера, когда она сразу начала нападать... но что случилось с этими опухшими глазами?

Бай Сяо смотрел на Чэн Юэ и вдруг заметил, что выражение лица Чэн Юэ изменилось — тот нахмурился, глядя на Цзин Юйжоу, и неуверенно спросил:

— ...Ты плакала?

Цзин Юйжоу словно очнулась от его слов, сразу же отвела взгляд, всхлипнула, достала салфетку и вытерла глаза.

Бай Сяо и Чэн Юэ снова переглянулись, и в глазах каждого читались шок и недоверие.

— ...Мне вчера приснился твой дедушка по материнской линии, — вдруг заговорила Цзин Юйжоу. — Он даже ругал меня...

И её голос дрогнул от слёз.

Бай Сяо и Чэн Юэ.

Цзин Юйжоу, казалось, совсем не могла сдержаться и наконец расплакалась, обиженная, как девушка, над которой подшутили.

Бай Сяо с растерянным видом посмотрел на Чэн Юэ. Тот тоже не знал, что делать, моргнул, подумал и спросил:

— ...Что он сказал?

Разве мог он заставить её так плакать...

Цзин Юйжоу взглянула на него, но не ответила.

Ей действительно не хотелось говорить.

Накануне Цзин Юйжоу ушла разъярённая, весь день просидела взаперти в своей комнате и ни на что не реагировала, кроме как когда подруга позвала её поесть.

Она уже давно не переживала подобного, когда ей почти указывали пальцем и ругали, и это оставило глубокий след.

Она всё думала: как мужчина может иметь ребёнка? Раньше врачи тоже не говорили, что у него может быть ребёнок?

...Хотя, если вспомнить, кажется, говорили о такой вероятности, но она тогда не придавала этому значения.

Она чувствовала, что не может принять эту реальность, но, раз за разом прокручивая в голове сцену встречи с Чэн Юэ, она наконец осознала: независимо от того, принимает она это или

нет, это уже свершившийся факт.

У её сына будет ребёнок, и этот ребёнок связан с ней кровными узами. Если не думать о том, что мужчина беременен, ей казалось... что на самом деле появление новой жизни — это довольно радостное событие.

Затем она снова вспомнила слова Бай Сяо о том, не слишком ли она эгоистична, и эти мысли снова и снова крутились у неё в голове.

Она совсем не хотела об этом думать, но её мозг, казалось, вышел из-под контроля. Мысли в голове сводили её с ума, и она рано легла спать.

Она думала, что и во сне не найдёт покоя, но не ожидала, что увидит прекрасный сон.

Скорее не сон, а те давние воспоминания, которые она почти забыла в уголках памяти — настолько давние, что казались событиями из другой жизни.

Тогда Чэн Юэ был ещё маленьким, а она была той самой принцессой, которую баловали отец и муж. Ей приснился милый маленький Чэн Юэ. Хотя она всегда думала только о своих развлечениях, каждый раз, видя послушного Чэн Юэ с няней и отцом, она всё же чувствовала к нему нежность и всегда хотела покупать ему интересные игрушки и красивую одежду.

Ей приснилось, как она купила подарок, присела перед ребёнком и смотрела, как он радостно бежит к ней. А потом она счастливо обняла его.

Но такой сон длился недолго.

Позже ей приснился отец, и она вспомнила своё детство, вспомнила, как бабушка с дедушкой были недовольны тем, что она девочка, даже порочили её мать, а отец защищал их обеих.

И наконец... ей приснилось, как отец ругает её:

— Как ты смеешь так обращаться с моим внуком? Разве я тебя так учил?

После ранней смерти матери отец баловал её ещё больше, и она давно не видела отца таким строгим. Не ожидала, что спустя столько лет после его смерти увидит во сне, как он на неё сердится.

Она ругала сон за абсурдность, но не могла сдержаться и плакала с самого пробуждения.

Подруга беспокоилась, спрашивала, что случилось, но она не могла ответить, так же как сейчас не могла ответить на вопрос Чэн Юэ.

Невыносимо стыдно.

Её плач привел Чэн Юэ в замешательство, а Бай Сяо, беспомощно вздохнув, подошел и сел на стул неподалеку, просто сопровождая её в этом плаче.